

Ограничения на выезд ребенка за пределы Российской Федерации: старый вопрос – новые проблемы

М.В. Громоздина

ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления», г. Новосибирск

Статья посвящена анализу повторного незаконного удержания несовершеннолетнего ребенка в Российской Федерации в рамках ранее рассмотренного трансграничного семейного спора (на конкретном примере судебной практики). Особое внимание уделяется противоречиям между судебным решением, вынесенным в соответствии с международной конвенцией о похищении детей (Гаагская конвенция 1980 г.), и ведомственными административными процедурами, закрепляющими порядок выставления и снятия запрета на выезд ребенка. Вследствие правовых коллизий и отсутствия эффективного межведомственного взаимодействия нарушаются законные права и интересы несовершеннолетних детей. Автор приходит к выводу, что действующий механизм выставления и снятия запретов на выезд несовершеннолетних не учитывает в полной мере интересы ребенка, создавая условия для злоупотребления правом со стороны недобросовестных родителей, выражающих несогласие на выезд ребенка за пределы Российской Федерации.

Ключевые слова: *интересы ребенка, злоупотребление правом, ограничение на выезд ребенка, родительские права, международный договор, межведомственное взаимодействие, права и интересы несовершеннолетнего ребенка, трансграничные семейные споры.*

Ограничение выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны в связи с несогласием одного из законных представителей представляет собой широко распространенную правоприменительную практику, регулируемую нормами Федерального закона от 15.08.1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» (далее – Закон о въезде и выезде) [1].

В соответствии со ст. 21 Закона о въезде и выезде заявление законного представителя несовершеннолетнего о несогласии на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации может быть отозвано указанным законным представителем во внесудебном порядке. Далее отмечается, что в случае спора между родителями в связи с несогласием законного представителя несовершеннолетнего на выезд из Российской Федерации несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации вопрос о

возможности его выезда из Российской Федерации разрешается в судебном порядке.

Институт ограничения выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны представляет собой уникальный гибрид семейного и административного права с сильным миграционно-пограничным элементом. Это не санкция, а охранительная мера, которая, во-первых, смещает точку разрешения конфликта из сферы экстерриториальных споров (между государствами) в национальную судебную плоскость (внутри России); во-вторых, формализует и делает публичным частный родительский конфликт, привлекая к его разрешению государственные органы (МВД, суд, ФСБ); в-третьих, носит обеспечительный характер для будущего судебного решения по существу спора о воспитании ребенка.

Таким образом, можно обобщить, что суть института ограничения выезда несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны заключается в создании эффективного административного «предохранителя», который, временно блокируя возможность трансграничного перемещения ребенка, принуждает родителей к разрешению своих разногласий в правовом поле Российской Федерации под контролем ее судебных органов, что в конечном счете служит стабильности правового положения несовершеннолетнего и снижению рисков его международного похищения.

Правовое регулирование трансграничных споров о детях представляет собой комплексную область, находящуюся на стыке международного частного, семейного и административного права. Несмотря на существование универсальных инструментов, таких как Гагская конвенция 1980 г. «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей», их эффективность на практике зачастую нивелируется внутренними административными процедурами государства-участника.

Нормы международного законодательства, направленные на противодействие незаконному перемещению детей, формируют автономный правовой режим, выступая в качестве самостоятельного регулятора трансграничных споров данной категории. Данный режим характеризуется собственной системой принципов, специализированными процедурными механизмами и обособленной юрисдикционной логикой, отличной от национальных институтов семейного и гражданского процессуального права.

Действительно, Конвенция считается одним из наиболее удачных международных документов, выработанных по международному частному праву [4]. Причиной ее разработки и принятия явился рост числа похищенных детей своими же родителями, состоящими, как правило, в трансграничных браках, в связи с разводами и возвращением

одного из них на родину вместе с детьми. До принятия этой Конвенции полностью отсутствовал правовой механизм для возвращения детей в место их обычного проживания. Не вдаваясь в анализ отдельных положений названного акта, следует отметить некоторые важные аспекты:

– Конвенция устанавливает международно-правовой механизм для немедленного возвращения детей, незаконно перемещенных или удерживаемых за границей, в государство их обычного проживания;

– Конвенция исключает рассмотрение спора между родителями о месте жительства ребенка или опеке над ним: вопросы по существу (с кем и где будет жить ребенок) должны решаться судами того государства, где ребенок проживал до похищения.

Российская Федерация присоединилась к этой Конвенции в 2011 г. и уже на протяжении 15 лет достаточно успешно реализует ее положения (с учетом внесенных изменений в национальное законодательство) в правоприменительной деятельности для разрешения споров о похищении детей. Однако, как выяснилось, применение Конвенции не разрешает все потенциальные проблемы, вытекающие из подобных споров.

Одной из фундаментальных проблем является то, что судебное решение, вынесенное в рамках процедуры Конвенции и предписывающее возвращение ребенка, носит сугубо восстановительный и ситуативный характер. Оно не содержит в себе превентивных механизмов, способных гарантировать недопущение рецидива – повторного незаконного перемещения ребенка или иных форм злоупотребления правом со стороны родителя, изначально нарушившего закон.

Более того, успешная реализация такого решения, по сути, воссоздает правовые и фактические условия, которые изначально позволили совершить акт похищения. Как правило, родитель-похититель возвращается в страну постоянного проживания ребенка, сохраняет родительские права, но вопросы, связанные с воспитанием ребенка, все еще предстоит разрешать в судебном порядке. Таким образом, применение Конвенции, эффективно купируя последствия конкретного противоправного акта, не разрешает лежащий в его основе конфликт доверия между родителями и не устраняет системные правовые риски, оставляя ребенка в потенциально уязвимом положении.

Для наглядного подтверждения своих выводов рассмотрим пример конкретной ситуации. История началась почти десять лет назад. В 2016 г. отец вывез пятилетнего мальчика из Казахстана в Россию без согласия матери. Он забрал ребенка из детского сада под предлогом прогулки и исчез. На момент этих событий отец уже несколько лет не участвовал в воспитании и содержании ребенка, проживал в России.

Когда мать поняла, что ребенка отец украл и не собирается возвращать, она начала процедуру возвращения посредством Гаагской конвенции 1980 г. «О гражданско-правовых аспектах международного похищения детей» через Центральный суд г. Новосибирска. Суд принял решение о немедленном возвращении ребенка в Республику Казахстан. После вступления решения в законную силу (ноябрь 2017 г.) ребенок вернулся домой и вполне благополучно жил и учился в Казахстане, не выезжая за пределы страны, до июля 2025 г. В 2025 г. ситуация неожиданно повторилась: 14-летний подросток, возвращающийся из России домой в Казахстан, был снят с поезда на российско-казахской границе из-за запрета на выезд, установленного отцом еще в ноябре 2017 г. Для справки: в период с 2018 по 2025 гг. отец несовершеннолетнего находился в федеральном розыске как неплательщик алиментов. Решение суда о взыскании алиментов на детей было вынесено в Казахстане, признано и принято к исполнению на территории России. Но должник умело скрывался от приставов, несмотря на принятые меры по его розыску. Этот факт делал ситуацию с запретом на выезд ребенка за пределы России особенно абсурдным: родитель, злостно уклоняющийся от родительских обязанностей, продолжал сохранять возможность ограничивать передвижения ребенка. В действительности, по мнению некоторых исследователей, такое право одного родителя принимать серьезные решения об ограничении на выезд ребенка только по своему собственному желанию (не всегда обоснованному) является нарушением конституционных прав ребенка на свободу передвижения (ст. 27 Конституции РФ) и наносит ущерб его интересам [2].

Важно понимать, что при установлении запрета на выезд ребенка компетентные органы (на данный момент МВД (ФМС) РФ, а ранее Пограничная служба РФ) не запрашивают информацию о наличии судебных решений по спорам о детях, не уведомляют второго родителя о выставлении запрета на выезд ребенка. В связи с чем высказываются обоснованные опасения относительно ситуаций, когда родителем изначально было дано нотариальное согласие на выезд ребенка за пределы России, а позже подано заявление в компетентные органы о несогласии на его выезд, но без отзыва первоначального нотариального документа [5]. Это позволяет недобросовестным родителям единолично ограничивать права ребенка и, по сути, второго родителя и даже манипулировать ситуацией.

В описанной ситуации матери не было известно о наличии запрета на выезд, выставленного в далеком прошлом отцом, и даже при желании проверить вряд ли смогла бы это сделать. Несмотря на наличие решения суда (первой и апелляционных инстанций) 2017 г., пограничные службы руководствовались актуальным запретом в системе, рассматривая сложившуюся ситуацию как обычный спор между родителями о несогласии на выезд. Мать и сын среди ночи были

сняты с поезда, вернулись в Новосибирск в надежде, что судебные решения помогут изменить ситуацию.

Обращения в Пограничное управление ФСБ РФ, прокуратуру и к судебным приставам с просьбой разрешить выезд на основании имеющего решения суда не принесли результата – везде рекомендовали вновь обратиться в суд. Запрет был выставлен отцом, но так как его место жительства неизвестно, зарегистрированного на его имя телефонного номера нет, то направить ему запрос с просьбой отозвать запрет не представлялось возможным, т. е. возможности разрешения этого вопроса добровольным (внесудебным) способом не было.

Обозначенная ситуация демонстрирует неоднозначность правового регулирования данного спора, потому как, с одной стороны, запрет на выезд был инициирован одним из родителей, и ситуация выглядит как спор между родителями; с другой стороны, хотя ограничение на выезд выставлено родителем, в действительности спор между ними уже был разрешен и основания для запрета на выезд объективно отсутствуют. В связи с этим были основания для обращения в суд с двумя исками поочередно или параллельно:

1) к отцу ребенка о снятии запрета на выезд и разрешении на выезд несовершеннолетнего независимо от согласия второго родителя;

2) пограничному Управлению ФСБ РФ (административный иск) о признании действий незаконными и отмене запрета на выезд ребенка.

Остается открытым вопрос, почему решение суда от 2017 г., вступившее в законную силу, не оказало юридического воздействия на ситуацию 2025 г.? События 2025 г. непосредственно связаны с обстоятельствами 2016–2017 гг., и тогда это решение позволило ребенку покинуть территорию Российской Федерации. Согласно ст. 13 Гражданского процессуального кодекса РФ судебные решения подлежат неукоснительному исполнению и являются обязательными для всех без исключения. Сроков действия решение суда не имеет, а значит имелись все основания для повторного применения решения суда спустя 8 лет с момента его принятия.

Следует обратить внимание и согласиться с тем, что семейно-правовые нормы определяют требования к форме и содержанию отношений между родителями и детьми, что дает основания категорично заявлять о необходимости учета интересов детей во всех ситуациях, когда в семье решается любой вопрос, прямо или косвенно их затрагивающий [3]. Ограничение на выезд ребенка за пределы Российской Федерации в целом, и в конкретном случае в частности, прямо затрагивает интересы последнего, а следовательно, должно рассматриваться через призму защиту законных прав и интересов несовершеннолетнего.

Эта ситуация демонстрирует наличие ряда проблем, связанных с регулированием родительских отношений в случаях проживания

родителей в разных государствах и выставления запрета на выезд ребенка за границу РФ одним из них. Среди них следует отметить следующие: приоритет ведомственных инструкций над судебными решениями; отсутствие проверки добросовестности лиц (родителей), устанавливающих запреты на выезд детей; отсутствие уведомления второго родителя (иного законного представителя) о принятом решении об ограничении выезда ребенка за пределы РФ; отсутствие эффективного межведомственного взаимодействия по вопросам пересекающейся компетенции.

Существующий порядок установления запретов на выезд детей требует пересмотра. Необходимо обязать компетентные органы выставлять запреты / ограничения на выезд детей, запрашивать информацию о судебных решениях по спорам о детях и уведомлять второго родителя об установлении таких ограничений, усилить межведомственное взаимодействие. Внесение указанных поправок позволит превратить запрет / ограничение на выезд несовершеннолетнего гражданина Российской Федерации за пределы страны из инструмента одностороннего давления в сбалансированный правовой механизм.

Список литературы

1. Федеральный закон от 15 августа 1996 г. № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // СПС «Гарант».
2. Дергунова В.А., Голубенко К.А., Закожурникова Д.О. Правовое регулирование порядка выезда несовершеннолетних граждан из Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 6. С. 82–90.
3. Ильина О.Ю. Конституционно-правовые основы социального вектора современной социальной семейной политики // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2019. № 2. С. 33–42.
4. Конвенция о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей (научно-практический комментарий). М.: Статут, 2016. 320 с.
5. Петрова Ю.О. Особенности получения согласия родителей (законных представителей) на выезд несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации // Вестник Омской юридической академии. 2019. Том 16, № 1. С. 25–28.

Об авторе:

ГРОМОЗДИНА Мария Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и предпринимательского права, ФГБОУ ВО «Новосибирского государственного университета экономики и управления», (630099, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56), SPIN-код: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru

Restrictions on a child's departure from the Russian Federation: recurring issues and emerging challenges

M.V. Gromozdina

Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk

This article analyzes a case of repeated wrongful retention of a minor within the Russian Federation following the resolution of an international child abduction dispute. Using a specific example from judicial practice, the study focuses on the fundamental conflict between a court order issued pursuant to the international child abduction treaty (the 1980 Hague Convention) and domestic administrative procedures governing the imposition and revocation of a child exit ban. The author demonstrates that these legal collisions, exacerbated by a lack of effective inter-agency cooperation, result in violations of the legitimate rights and interests of minors. The conclusion is drawn that the current mechanism for managing child exit bans fails to adequately consider the child's best interests, thereby creating conditions for the abuse of rights by a disputing parent acting in bad faith to object to the child's departure from the Russian Federation.

Keywords: *child's best interests, abuse of rights, child travel restrictions, parental rights, international treaty, inter-agency cooperation, rights of the minor child, cross-border family disputes.*

About author:

GROMOZDINA Maria – PhD in Law, associate Professor of the department of civil and commercial law, Novosibirsk State University of Economics and Management (630099, Novosibirsk, 56 Kamenskaya St.), SPIN-code: 8584-3204, e-mail: gromlaws@mail.ru

Громоздина М.В. Ограничения на выезд ребенка за пределы Российской Федерации: старый вопрос – новые проблемы // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2026. № 1 (85). С. 55–61.

Статья поступила в редакцию 15.01.2026 г.

Подписана в печать 12.02.2026 г.